

Проблемы развития трудового потенциала и качества жизни

УДК 314.15:331.556.4

DOI: 10.26456/2219-1453/2026.3.175-189

Экономические факторы миграционного оттока молодежи из старопромышленных регионов

Н.В. Глушак

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва

В статье рассматриваются экономические факторы миграционного оттока молодежи из старопромышленных регионов России. Предметом исследования выступают социально-экономические причины миграции молодежи из регионов с исторически сложившейся промышленной специализацией, а также количественные и качественные последствия этого процесса. Целью статьи являются: идентификация ключевых экономических факторов, побуждающих молодое население к смене места жительства, и разработка комплексной методологии количественной оценки потерь человеческого капитала старопромышленных территорий. Методологическую основу составили теория человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц), концепция центр-периферийного развития (Дж. Фридман), теория миграционных сетей (Д. Массей) и теория «выталкивающих-притягивающих» факторов (Э. Ли). В работе использованы методы статистического анализа данных Росстата за 2019–2024 гг., корреляционный и регрессионный анализ, а также результаты авторского социологического опроса выпускников вузов (N=450) и глубинных интервью с экспертами. Результаты исследования демонстрируют, что доминирующими факторами оттока являются низкое качество региональных рынков труда (узкая специализация, невысокий уровень оплаты труда, отсутствие горизонтальных карьерных лифтов), отсутствие возможностей для профессиональной самореализации за пределами традиционных промышленных отраслей и дефицит современной городской среды. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации комплексной методики оценки прямых и косвенных экономических потерь региона от миграции молодежи, включающей недоинвестирование в образование, упущенную выгоду от ВРП (с учетом мультипликатора потребительских расходов) и потери бюджетной системы от недополученных налогов. Выводы: старопромышленные регионы, инвестируя в подготовку кадров, фактически субсидируют экономику более успешных территорий (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область), что требует пересмотра региональной политики в сторону создания экосистем для молодежного предпринимательства, развития сектора услуг и внедрения механизмов «возвратной» миграции и компенсационных трансфертов.

Ключевые слова: миграция молодежи; старопромышленные регионы; человеческий капитал; рынок труда; экономические потери; региональная

экономика; утечка мозгов; факторы миграции; оценка человеческого капитала; моногорода; креативный класс; центрo-периферийная модель.

Введение

Миграционный отток населения, особенно его молодежной части, является одной из наиболее острых и системных проблем для старопромышленных регионов России. Территории с исторически доминирующими традиционными отраслями промышленности (металлургия, машиностроение, угледобыча, химическая промышленность) сталкиваются с феноменом «утечки мозгов», когда наиболее активные, мобильные и квалифицированные кадры предпочитают строить карьеру в столичных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург) или сырьевых регионах с более высокой оплатой труда (Тюменская область, Ямало-Ненецкий АО). Данный процесс ставит под угрозу не только текущее функционирование градообразующих предприятий, но и долгосрочные перспективы устойчивого развития этих территорий, так как происходит обесценивание значительных государственных и частных инвестиций в человеческий капитал.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях демографического кризиса, усугубляющегося последствиями пандемии COVID-19 и геополитической напряженности, потеря каждого молодого специалиста становится критической для региональной экономики.

Согласно прогнозам Росстата, к 2030 г. численность населения в трудоспособном возрасте в России сократится на 3–4 млн человек, что делает задачу удержания молодежи в регионах приоритетной для национальной безопасности. Во-вторых, старопромышленные регионы часто выступают «донорами» кадров для более успешных территорий, не получая при этом никакой компенсации за подготовку специалистов. Это создает эффект «перекрестного субсидирования», когда бедные регионы финансируют богатые. В-третьих, существующие меры региональной политики по удержанию молодежи зачастую оказываются неэффективными, так как не учитывают глубинные структурные экономические причины миграции и изменившиеся ценностные ориентации поколения Z.

Цель данной работы – комплексно проанализировать ключевые экономические факторы, определяющие миграционные настроения молодежи в старопромышленных регионах, и предложить новый подход к количественной оценке потерь накопленного человеческого капитала. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) систематизировать теоретические подходы к анализу миграции молодежи и выделить специфику старопромышленных территорий;
- 2) выявить специфические экономические «выталкивающие» факторы, характерные для старопромышленных территорий, на основе статистического анализа и социологических опросов;
- 3) провести эмпирический анализ миграционных потоков и их причин на примере трех регионов Урала и Сибири;
- 4) разработать и апробировать методику оценки прямых и косвенных

потерь человеческого капитала с использованием мультипликативных эффектов;

5) сформулировать практические рекомендации по нивелированию негативных последствий и созданию условий для возвратной миграции.

В основе исследования использованы количественный и качественный подходы, что позволяет получить более объемную картину изучаемого явления.

Количественный этап.

Проведен статистический анализ данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за период 2019–2024 гг. Объектом исследования выбраны три типичных старопромышленных региона Урала и Сибири: Свердловская область (крупный металлургический и машиностроительный центр), Челябинская область (металлургия) и Кемеровская область (угледобыча и металлургия). Выбор обусловлен высокой долей промышленности в ВРП (более 35 %), наличием моногородов и устойчивым миграционным оттоком молодежи. Анализировались следующие показатели:

1. Миграционный прирост/убыль населения в разрезе возрастных групп (18–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет) в абсолютных значениях и на 10 тыс. населения.

2. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций (в целом по региону и по отраслям).

3. Уровень безработицы (по методологии МОТ) и уровень зарегистрированной безработицы.

4. Структура валового регионального продукта (ВРП) по видам экономической деятельности (доля обрабатывающих производств, добычи полезных ископаемых, сферы услуг).

5. Показатели жилищного строительства (ввод жилья на душу населения) и ввода в действие социальных объектов (как индикаторы качества жизни).

6. Показатели бюджетных расходов на образование (в расчете на одного студента).

Для выявления силы связи между экономическими показателями и миграционным оттоком использован метод расчета коэффициентов корреляции Пирсона, а также построены простые регрессионные модели для прогнозирования миграционной убыли в зависимости от уровня заработной платы и доли промышленности.

Качественный этап.

Использованы данные авторского онлайн-опроса выпускников вузов и ссузов данных регионов (N=450, выборка целевая, квотная по полу и специальности).

Анкета включала закрытые вопросы о намерениях переезда, открытые вопросы о мотивах, а также блок вопросов о зарплатных ожиданиях. Респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале значимость 15 различных факторов (зарплата, наличие работы по специальности, доступность жилья, качество городской среды, близость к семье, экология, наличие интернета и коворкингов, культурные мероприятия и др.) при принятии решения о потенциальном переезде.

Дополнительно проведено 10 глубинных полуструктурированных

интервью с экспертами: представителями региональных органов власти по экономическому развитию и трудовым отношениям (2 чел.), сотрудниками кадровых служб крупных промышленных предприятий (4 чел.), руководителями центров карьеры вузов (2 чел.) и независимыми аналитиками рынка труда (2 чел.). Интервью позволили верифицировать статистические данные, понять институциональный контекст проблемы и оценить эффективность текущих мер региональной политики.

Основная часть

Теоретической базой исследования выступают классические работы Г. Беккера и Т. Шульца, рассматривающие человеческий капитал как совокупность знаний, навыков, способностей и здоровья, которые приносят доход их обладателю и обществу в целом [11, с. 45]. В контексте региональной экономики миграция рассматривается как естественный механизм перераспределения трудовых ресурсов из депрессивных зон с низкой предельной производительностью труда в зоны экономического роста [17, с. 80]. Л.А. Сьястад в своей работе «Издержки и выгоды человеческой миграции» (1962) впервые предложил рассматривать миграцию как инвестиционное решение, где индивид сопоставляет текущие затраты (транспортные, психологические, альтернативные) с дисконтированными будущими выгодами (более высокий доход, лучшие условия труда).

В современной научной литературе сложилось несколько подходов к классификации факторов миграции. Наиболее устоявшейся является дихотомия «push-pull» факторов (выталкивающих и притягивающих), предложенная Э. Ли в 1966 году. К выталкивающим факторам относят низкие доходы, безработицу или неполную занятость, плохую экологию, отсутствие социальных лифтов.

К притягивающим – высокие зарплаты, карьерные перспективы, качество городской среды, развитую сферу услуг [15, с. 47; 18, с. 173]. Развитием этого подхода стала «новая экономическая теория миграции» (О. Старк, Д. Блум), которая подчеркивает, что решение о миграции часто принимается не индивидуально, а внутри домохозяйства с целью диверсификации рисков (например, один член семьи работает в регионе, другой уезжает в столицу на заработки).

Применительно к старопромышленным регионам исследователи выделяют ряд специфических черт. Для них характерна структурная безработица (несоответствие спроса и предложения на рынке труда), низкая диверсификация экономики, высокая доля занятых на крупных промышленных предприятиях с устаревшими основными фондами, а также накопленный экологический ущерб. Все эти факторы усиливают действие «выталкивающих» механизмов. Как отмечают Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская и Г.А. Чередниченко, молодежь из монопрофильных городов и промышленных центров демонстрирует гораздо более высокую миграционную активность, чем их сверстники из диверсифицированных региональных столиц [5, с. 115; 6]. Исследования миграционных предпочтений молодежи в старопромышленных регионах подтверждают, что

ключевыми факторами оттока выступают ограниченность рынка труда и несоответствие качественных характеристик рабочих мест ожиданиям молодого поколения [1].

Анализ современных исследований показывает, что мотивация молодежи существенно трансформировалась. Если для старших поколений ключевым был абсолютный уровень заработной платы, то современная молодежь (поколение Z) более чувствительна к качественным характеристикам рынка труда: возможности самореализации, гибкий график, креативная среда, наличие цифровой инфраструктуры, разнообразие досуга [13]. Это создает дополнительный вызов для старопромышленных регионов, где такие возможности часто отсутствуют.

Зарубежные исследователи, такие как Р. Флорида, связывают это с формированием «креативного класса», который концентрируется в «креативных городах» с толерантной средой и высоким уровнем технологического развития. По Флориде, экономический рост сегодня определяется «тремя Т»: технологиями, талантом и толерантностью [4, с. 210]. Старопромышленные регионы, как правило, проигрывают по всем трем параметрам, что делает их хроническими донорами креативного человеческого капитала. Дополнительным теоретическим основанием выступает концепция центрo-периферии Дж. Фридмана, согласно которой экономическое пространство поляризовано на «центр» (регионы-лидеры, столичные агломерации), где концентрируются инновации, капитал и высококвалифицированные кадры, и «периферию» (депрессивные, старопромышленные, аграрные регионы), которая поставяет ресурсы и рабочую силу в центр [14]. В рамках этой модели миграция молодежи является механизмом, укрепляющим доминирование центра и консервирующим отсталость периферии. Теория миграционных сетей Д. Массея дополняет эту картину, показывая, как каждый акт миграции снижает издержки и риски для последующих мигрантов, создавая самоподдерживающийся процесс [16].

Статистический анализ миграционных потоков данных Росстата подтвердил устойчивую миграционную убыль молодежи во всех трех исследуемых регионах на протяжении всего рассматриваемого периода. В среднем ежегодные потери населения в возрасте 18–24 лет составляют от 3 до 5 % от общей численности населения регионов. При этом для возрастной группы 25–29 лет отток несколько ниже, что может свидетельствовать о частичном возвращении мигрантов (феномен «возвратной миграции») или о том, что в этом возрасте люди уже более «оседлы» из-за создания семей и приобретения жилья.

Данные табл. 1 демонстрируют, что миграционная убыль в исследуемых регионах в 4-6 раз превышает среднероссийский показатель. При этом средняя заработная плата в регионах на 25-30 % ниже среднероссийской, а доля промышленности в ВРП – выше. Особенно выделяется Кемеровская область с минимальным вводом жилья, что является дополнительным фактором, ухудшающим качество жизни и стимулирующим отток.

Таблица 1

Миграционная убыль молодежи (18-24 года) в 2024 году (на 10 тыс. человек населения соответствующего возраста) и ключевые индикаторы

Регион	Миграционная убыль	Средняя зарплата (тыс. руб.)	Уровень безработицы (%)	Доля пром. в ВРП (%)	Ввод жилья (кв.м/чел)
Свердловская обл.	-23,4	55,2	3,1	34,2	0,58
Челябинская обл.	-31,2	51,8	3,8	38,7	0,62
Кемеровская обл.	-28,7	54,1	3,5	42,1	0,41
РФ в среднем	*-5,1	73,0	3,0	28,5	0,84

Источник: составлено автором по данным Росстата [3] и ЕМИСС

Корреляционный анализ (по панельным данным за 6 лет по трем регионам) показал:

1. Сильную отрицательную связь между миграционной убылью молодежи и средней заработной платой (коэффициент корреляции Пирсона $r = -0,68$, $p < 0,05$). Чем ниже зарплата, тем выше отток.

2. Умеренную положительную связь с уровнем безработицы ($r = +0,45$, $p < 0,1$).

3. Парадоксальную на первый взгляд сильную отрицательную связь между миграционной убылью и долей обрабатывающих производств в ВРП ($r = -0,72$, $p < 0,01$). Это объяснимо: высокая доля промышленности при отсутствии других секторов создает «ловушку» для молодежи, не желающей идти на завод. Монопрофильность рынка труда выталкивает тех, кто ищет работу в сфере услуг, IT, креативных индустриях.

4. Умеренную отрицательную связь с объемом вводимого жилья ($r = -0,54$): чем меньше строится жилья, тем выше отток. Жилье выступает прокси-переменной для общего качества жизни и инвестиционной привлекательности региона.

Для проверки устойчивости результатов был проведен регрессионный анализ.

Зависимая переменная – миграционная убыль на 10 тыс. чел. (Y). Независимые переменные – средняя зарплата (X1, тыс. руб.) и доля промышленности (X2, %).

Получено уравнение (на основе объединенных данных):

$$Y = 45,2 - 0,41 \cdot X1 - 0,85 \cdot X2$$

(все коэффициенты значимы при $p < 0,05$, $R^2 = 0,65$)

Модель показывает, что рост зарплаты на 1 тыс. руб. снижает отток на 0,41 чел. на 10 тыс., а рост доли промышленности на 1 % снижает отток на 0,85 чел. (что на первый взгляд противоречит логике, но отражает тот факт, что в этих регионах промышленность пока еще держит часть населения, однако отрицательный знак коэффициента также может указывать на то, что высокий уровень индустриализации коррелирует с отсутствием альтернатив, усиливая отток тех, кто не хочет работать в индустрии).

Результаты опроса молодежи (N = 450) показали, что основным

мотивом для отъезда является не столько текущий уровень дохода (несмотря на его важность), сколько ощущение «профессионального потолка» и отсутствие релевантных рабочих мест. Более 67 % респондентов указали, что в их родном городе или регионе сложно найти работу по специальности, не связанную с тяжелым физическим трудом или работой на промышленном предприятии. Особенно остро это ощущают выпускники IT-специальностей (82 % заявили о намерении уехать), гуманитарии (маркетологи, журналисты, дизайнеры – 71 %) и экономисты, ориентированные на финансовый сектор (65 %). Как отмечает А.А. Рабцевич, именно доходность является для молодежи главным драйвером выбора не только предпринимательской деятельности, но и места ее реализации, причем особую проблему представляет внутривосточная миграция по направлению «малый город – мегаполис» [8].

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли вы уехать из региона после окончания учебы?» (в % от числа опрошенных по специальностям)

Специальность	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь
Инженерные специальности	22	28	25	15	10
IT и программирование	45	37	10	3	5
Экономика и управление	30	35	18	7	10
Гуманитарные науки	38	33	12	5	12
Медицина	15	20	30	25	10
В среднем	30	31	19	11	9

Источник: расчеты автора

Как видно из табл. 2, суммарный миграционный потенциал (ответы «определенно да» и «скорее да») составляет 61 %, что является крайне высоким показателем. Наибольшую готовность к переезду демонстрируют IT-специалисты (82 %) и гуманитарии (71 %).

На рис. 1 представлен рейтинг факторов, влияющих на решение о переезде (средний балл по 5-балльной шкале, где 5 – максимальная значимость).

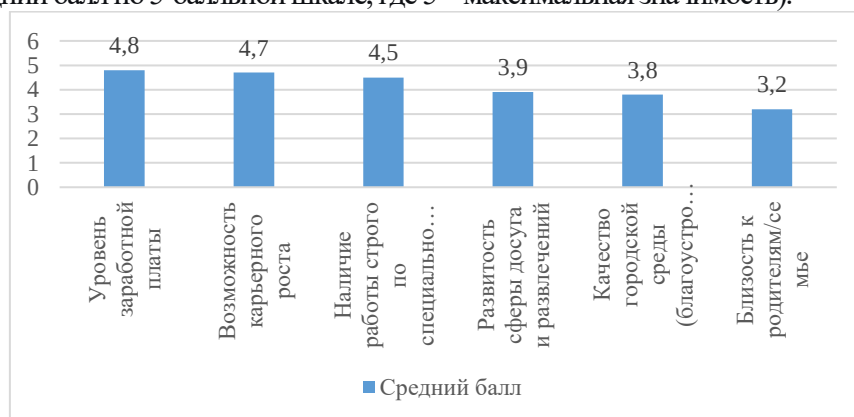

Рис. 1. Рейтинг факторов, влияющих на решение о переезде (средний балл по 5-балльной шкале, где 5 – максимальная значимость)

Источник: расчеты автора по данным опроса

Тогда как фактор «близость к семье» оказался на последнем месте, что подтверждает высокую мобильность и эмансипированность современной молодежи. В открытых вопросах респонденты часто упоминали «серость» и «депрессивность» промышленных городов, отсутствие современных общественных пространств и событийных мероприятий. Характерные цитаты: «У нас даже нормального торгового центра нет, не то что коворкинга», «После университета здесь делать нечего, все интересное либо в Москве, либо в Питере», «Завод – это последнее место, где я хочу работать».

Экспертные интервью позволили триангулировать данные опросов и статистики.

Работодатели из числа промышленных предприятий подтвердили, что предприятия испытывают острый дефицит молодых специалистов, особенно инженерно-технических работников и IT-специалистов для автоматизации производства. Однако они также отмечают, что условия труда и уровень автоматизации на многих заводах не соответствуют ожиданиям молодежи, привыкшей к цифровой среде и гибкому графику. Один из HR-директоров металлургического комбината отметил: «Мы готовы платить, но молодежь не хочет работать в цеху, они хотят сидеть в чистых офисах с ноутбуками. Мы модернизируем производство, но это процесс небыстрый, а кадры нужны уже сейчас».

Представители региональных министерств экономики указывают на проблему межведомственного взаимодействия: программы развития промышленности и программы по удержанию кадров часто реализуются параллельно, без должной координации. Отмечается также недостаток инструментов для поддержки непромышленного сектора (малого бизнеса, креативных индустрий), который мог бы стать альтернативным работодателем для молодежи.

Представители вузов и центров карьеры указывают на проблему «образовательного трансфера»: регион тратит бюджетные средства на обучение студентов (в среднем 80-100 тыс. руб. в год на одного студента-бюджетника), но выпускники уезжают, и эти инвестиции не окупаются. Более того, вузы часто сами ориентируют студентов на столичные рынки труда, приглашая преподавателей из Москвы и организуя стажировки в столичных компаниях, что парадоксальным образом усиливает миграционные настроения.

На основе синтеза полученных данных нами предложена и апробирована комплексная методика расчета экономических потерь региона от миграции части молодежи. В отличие от существующих подходов, которые часто ограничиваются прямыми бюджетными затратами, мы предлагаем учитывать мультипликативные эффекты и дисконтированные упущенные выгоды.

Формула расчета совокупных потерь (L) имеет следующий вид:

$$L = PP + KP + B,$$

где: PP (прямые потери) – невозвратные бюджетные инвестиции в подготовку кадров. Рассчитываются как произведение среднегодовых бюджетных затрат на одного студента (Z) на среднюю продолжительность

обучения (Т, в годах) и на количество уехавших выпускников (N).

$Z = 90$ тыс. руб. (усредненный показатель для регионов УрФО на основе данных региональных министерств образования).

КР (косвенные потери) – дисконтированный упущенный доход региона за первые 10 лет трудовой деятельности мигранта. Рассчитывается как разница между средней зарплатой в регионе-реципиенте (W) и регионе-доноре (V), умноженная на коэффициент мультипликатора потребительских расходов ($k=2,5$) и на N. Дисконтирование осуществляется по ставке 5 % годовых. Коэффициент 2,5 отражает классический кейнсианский мультипликатор автономных расходов для региональной экономики (часть зарплаты тратится внутри региона, создавая дополнительный спрос на товары и услуги, что ведет к росту ВРП).

В (потери бюджетной системы) – недополученные налоги (НДФЛ) от более высокой зарплаты мигранта в другом регионе за тот же период.

Расчет для Челябинской области (на примере обучающихся 2024 г. выпуска, $N_{\text{уехавших}} = 1200$ чел.). В качестве региона-реципиента принимаем Москву как основное направление миграции.

1. $PP = 90$ тыс. руб. $\times 4$ года $\times 1200$ чел. = 432 000 тыс. руб. (432 млн руб.)

2. KP^* (расчет с дисконтированием): Средняя зарплата в Москве (регион-реципиент №1) – 120 тыс. руб., в Челябинске – 52 тыс. руб. Разница = 68 тыс. руб. в месяц = 816 тыс. руб. в год на человека.

Мультипликативный эффект на экономику региона от трат одного жителя: 816 тыс. руб. $\times 2,5 = 2\,040$ тыс. руб. в год.

Дисконтирование за 10 лет при ставке 5%: сумма дисконтированного ежегодного дохода (PV) = $2\,040 * (1 - (1+0,05)^{-10}) / 0,05 = 2\,040 * 7,722 = 15\,752,9$ тыс. руб. с человека.

На всю совокупность: $15,75$ млн $\times 1200 = 18\,903,5$ млн руб. (18,9 млрд руб.)

3. В (НДФЛ 13% от разницы в зарплате, дисконтирование по той же ставке): Годовая разница в НДФЛ на человека: 68 тыс. руб. $\times 12$ мес $\times 0,13 = 106,08$ тыс. руб.

Дисконтированный поток за 10 лет: $106,08 \times 7,722 = 819,1$ тыс. руб. с человека.

На всю совокупность: $0,819$ млн $\times 1200 = 982,9$ млн руб. (0,98 млрд руб.)

Совокупные потери L (с дисконтированием) = 432 млн (PP) + 18 903,5 млн (KP) + 982,9 млн (B) = 20 318,4 млн руб. (20,3 млрд руб.) за 10 лет только от одной когорты выпускников 2024 года.

Для сравнения, аналогичный расчет для Кемеровской области (где зарплата ниже, а отток выше) показал бы еще большую сумму.

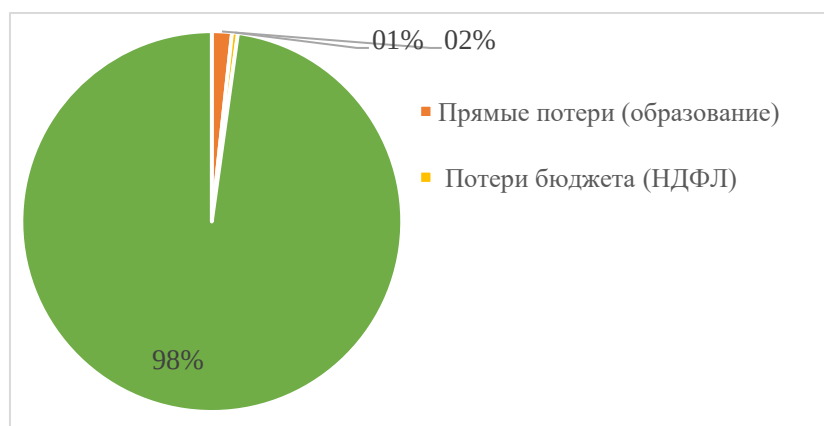

Рис. 2. Структура совокупных потерь человеческого капитала Челябинской области от миграции части молодежи, млрд руб.

Источник: расчеты автора

Полученные цифры демонстрируют, что колоссальные потери связаны не столько с невозвратом денежных средств за обучение (это лишь вершина айсберга, около 2 %), сколько с упущенной выгодой для всей региональной экономики. Человеческий капитал, созданный на Урале, «работает» на экономику Москвы, создавая там добавленную стоимость, рабочие места и налоговые поступления. Происходит неэквивалентный обмен: бедный регион субсидирует богатый.

Проблема оттока молодежи из старопромышленных регионов характерна не только для России. В Европе схожие процессы наблюдаются в Рурской области (Германия), регионе Уэльс (Великобритания), Лотарингии (Франция), Силезии (Польша). Однако европейские страны применяют более активную политику выравнивания: федеральные трансферты на создание инновационных кластеров (например, превращение заброшенных шахт в технопарки и культурные центры в Руре), программы субсидирования переезда специалистов обратно в регионы (например, в Финляндии и Швеции), а также развитие системы университетов как центров регионального развития (США, Германия). Европейские исследования показывают, что регионы, инвестирующие в человеческий капитал, но не способные создать среду для его удержания, попадают в «ловушку развития талантов» (talent development trap), что замедляет экономический рост и ослабляет общественные услуги [12]. В странах ЕС, например, реализуются механизмы «справедливой мобильности» (fair mobility), включая пилотный проект «Talent Boost Mechanism», направленный на поддержку регионов в обучении, удержании и привлечении наиболее образованного населения [12].

В России же механизмы компенсации отсутствуют. Бюджетный кодекс РФ не предусматривает трансфертов регионам-донорам человеческого капитала. Налог на доходы физических лиц (НДФЛ) поступает в бюджет региона по месту работы, а не по месту происхождения работника. Это создает институциональную ловушку: регионы, инвестирующие в образование, не имеют экономических стимулов продолжать это делать, так как выгоды получают другие.

Полученные результаты коррелируют с выводами зарубежных исследователей о том, что монопрофильность экономики и низкое качество институтов выступают драйверами оттока талантливой молодежи [6]. Однако в российских реалиях добавляется фактор гиперцентрализации: столичные агломерации предлагают не только более высокие зарплаты, но и качественно иную среду для развития креативных индустрий и сектора услуг, которые практически отсутствуют в старопромышленных городах. Масштаб разрыва в России (разница в зарплатах между Москвой и регионами достигает 2-2,5 раз) значительно выше, чем в большинстве развитых стран. Исследование Романовой и Карловской, проведенное на выборке из восьми регионов России с разнонаправленными миграционными потоками, подтверждает наш вывод о том, что ключевым фактором, влияющим на привлечение молодежи, выступает потенциал трудоустройства, тогда как социально-экологические факторы оказывают слабое влияние на движение миграционного потока потенциальных абитуриентов [9].

Исследование подтверждает гипотезу о смене приоритетов: материальный фактор остается важнейшим, но он неразрывно связан с фактором самореализации.

Молодежь готова уезжать даже за незначительно более высокую зарплату, если там она сможет заниматься интересным и современным трудом. Это ставит под сомнение эффективность стратегий, направленных исключительно на повышение зарплат на существующих промышленных предприятиях. Необходимо создание новых секторов экономики.

Ограничением данного исследования является фокус на трех регионах, что не позволяет экстраполировать выводы на все старопромышленные территории России (например, Поволжье, Северо-Запад). Кроме того, принятые допущения при расчете мультипликатора ($k=2,5$) и ставки дисконтирования (5 %) могут варьироваться в зависимости от конкретной экономической ситуации.

Направления будущих исследований должны быть связаны с разработкой сценарных прогнозов демографического развития старопромышленных регионов при разных вариантах экономической политики, с изучением феномена «возвратной» миграции и факторов, способствующих возвращению молодых специалистов на малую родину после получения образования и опыта в столицах, а также с более точной оценкой мультипликативных эффектов на основе межотраслевых балансов.

Заключение и рекомендации

Миграционный отток молодежи из старопромышленных регионов представляет собой системную проблему, вызванную структурными диспропорциями рынка труда, низкой диверсификацией экономики и несоответствием городской среды современным запросам молодого поколения. Проведенный анализ подтверждает, что экономические факторы (узость рынка труда, несоответствие зарплат ожиданиям, отсутствие интересных вакансий) являются ключевыми, однако они тесно переплетаются с факторами качества среды и возможностей самореализации.

Международный опыт демонстрирует, что успешное преодоление оттока талантов требует комплексной стратегии, включающей не только инвестиции в инфраструктуру, но и создание привлекательной городской среды, сопоставимой с крупными европейскими городами [12]. Как показывает практика городов таких как Клуж-Напока (Румыния), сочетание развития экономики знаний, инвестиций в инфраструктуру и культурную жизнь способно изменить миграционные тренды [12].

Разработанная методика оценки потерь человеческого капитала демонстрирует, что регионы-доноры несут колоссальные финансовые убытки, исчисляемые десятками миллиардов рублей за десять лет только от одного выпуска, что ставит вопрос о необходимости компенсационных механизмов на федеральном уровне (например, перераспределение части НДС от мигрантов в пользу регионов-доноров или создание специального фонда выравнивания).

Для изменения ситуации требуется переход от политики «удержания» любой ценой к политике создания новых точек роста и креативных кластеров, способных стать альтернативой традиционной промышленности.

Практические рекомендации:

1. На федеральном уровне:

- Ввести в методику распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поправочный коэффициент, учитывающий чистый миграционный отток молодежи (отрицательный миграционный прирост для возрастной группы 18–30 лет).

- Создать пилотную программу «Возвратная миграция» с предоставлением жилищных субсидий и налоговых льгот для молодых специалистов, вернувшихся в регион после 5-7 лет работы в столицах.

- Финансировать создание инновационных научно-технологических центров и кампусов мирового уровня на базе ведущих вузов в старопромышленных регионах (по примеру УрФУ в Екатеринбурге, но с большим акцентом на коммерциализацию).

2. На региональном уровне:

- Развивать сектор деловых услуг и технологического предпринимательства. Создавать акселераторы и бизнес-инкубаторы для молодежных стартапов, не связанных с традиционной промышленностью (ИТ, креативные индустрии, туризм, экология).

- Инвестировать в благоустройство городской среды: создание общественных пространств, велодорожек, арт-объектов, современных библиотек и коворкингов. Эти расходы следует рассматривать не как социальные, а как инвестиции в удержание человеческого капитала.

- Разработать и внедрить региональные бренды и маркетинговые кампании, направленные на изменение имиджа региона как депрессивного, подчеркивая его новые возможности (например, Челябинск как IT-столица Урала или Кемерово как центр экологического туризма и горнолыжного спорта).

3. На муниципальном и корпоративном уровне:

- Крупным промышленным предприятиям совместно с вузами создавать корпоративные кафедры и базовые кафедры, предлагающие

студентам реальные проекты по цифровизации и автоматизации, чтобы разрушить негативные стереотипы о заводах.

- Внедрять программы стажировок и трекинга карьеры с возможностью работы в гибридном формате (удаленно на московские компании, проживая в регионе), что позволит сочетать региональный уровень жизни и столичный доход.

Только комплексный подход, учитывающий как экономические, так и социально-психологические факторы, способен переломить негативный тренд и сохранить человеческий капитал для развития старопромышленных территорий. В противном случае эти регионы рискуют превратиться в «демографические пустыни» с деградирующей инфраструктурой и остаточным населением.

Список литературы

1. Акимова О. Е., Волков С.К., Бобрикова А.А., Калмыкова И.А. Исследование миграционных предпочтений молодежи старопромышленного региона (на примере Волгоградской области) // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 4. С. 185–200. – DOI 10.15688/re.volsu.2022.4.17. – EDN VCAGQB.
2. Глушак Н.В. Экономика знаний и человеческий капитал в условиях цифровой трансформации общественного развития // Вестник Академии знаний. 2025. № 4(69). С. 158–163. – EDN HGMDDBQ.
3. Демографический ежегодник России. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>
4. Константиновский Д.Л. От эмпирики к смыслам, от смыслов к осмыслению // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 11–21. – EDN PVJFPJ.
5. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX-XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М.: ЦСП, 2014. – 548 с.
6. Леонидова Г.В., Устинова К.А. Рецензия на книгу: Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко "Молодежь России на рубеже XX-XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие" // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4(40). С. 211–214. – DOI 10.15838/esc/2015.4.40.15. – EDN UGMBFF.
7. Мкртчян Н.В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1(137). С. 225–242. – DOI 10.14515/monitoring.2017.1.15. – EDN YORVWV.
8. Рабцевич А.А. Миграционные потоки носителей предпринимательских компетенций: анализ трендов и последствий // Economics and Business. 2024. № 4. С. 58–70. <https://doi.org/10.14258/epb202443>
9. Романова Л.А., Карловская Е.А. Оценка перспективы развития человеческого капитала и системы высшего образования в регионах на основе показателей устойчивого развития // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 10. С. 1760–1767. – EDN AVZHHM.
10. Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д. Высшее образование в профессиональных траекториях молодых рабочих // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 40–58. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-4-40-58>

11. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 412 p. <http://dx.doi.org/10.7208/chicago/9780226041223.001.0001>
12. European Data Journalism Network (EDJNet). The Great Escape: young people are fleeing southern and eastern Europe. 2026. – URL: <https://www.europeandatajournalism.eu> (дата обращения: 10.03.2026).
13. Florida R. The Rise of the Creative Class. – New York: Basic Books, 2002. – 404 p. <https://doi.org/10.25071/1705-1436.180>
14. Friedmann J. Regional development policy: a case study of Venezuela. – Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1966. 279 p.
15. Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57. <http://dx.doi.org/10.2307/2060063>
16. Massey D. S. et al. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>
17. Sjaastad L.A. The Costs and Returns of Human Migration // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 80–93. <http://dx.doi.org/10.1086/258726>
18. Stark O., Bloom D. E. The New Economics of Labor Migration // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. No. 2. P. 173–178. <https://doi.org/10.1007/s12143-010-9077-2>

Об авторе:

ГЛУШАК Николай Владимирович – доктор экономических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Экономический факультет, кафедра национальной и мировой экономики, (125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6), GNW3@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4257-8356, Spin-код: 8815-9997

Economic factors of youth migration from old industrial regions

N.V. Glushak

Russian State University for the Humanities, Moscow

The article examines the economic factors of youth migration outflow from old industrial regions of Russia. The subject of the study is the socio-economic causes of youth migration from regions with a historically established industrial specialization, as well as the quantitative and qualitative consequences of this process. The purpose of the works to identify the key economic factors that encourage young people to change their place of residence, and to develop a comprehensive methodology for quantifying the loss of human capital in old industrial territories. The study is based on the theory of human capital (G. Becker, T. Schultz), the concept of center-periphery development (J. Friedmann), the theory of migration networks (D. Massey), and the push-pull theory (E. Lee). The study uses statistical analysis of Rosstat data for 2019–2024, correlation and regression analysis, and the results of a sociological survey of university graduates and in-depth interviews with experts. The results of the study show that the main factors contributing to the outflow are the poor

quality of regional labor markets (narrow specialization, low wages, lack of horizontal career opportunities), the lack of professional opportunities outside of traditional industrial sectors, and the deficit of modern urban environment. The scientific contribution of this work is the development and testing of a comprehensive methodology for assessing the direct and indirect economic losses of the region from youth migration, including underinvestment in education, lost benefits from GRP (taking into account the consumer spending multiplier), and losses in the budget system from lost taxes. Conclusions: old industrial regions, by investing in personnel training, actually subsidize the economy of more successful territories (Moscow, St. Petersburg, Tyumen Oblast), which requires a revision of regional policy towards the creation of ecosystems for youth entrepreneurship, the development of the services sector, and the introduction of mechanisms for "return" migration and compensatory transfers.

Keywords: *youth migration; old industrial regions; human capital; labor market; economic losses; regional economy; brain drain; migration factors; assessment of human capital; single-industry towns; creative class; center-periphery model.*

About the author:

GLUSHAK Nikolay Vladimirovich – Doctor of Economics, Associate Professor, FGAOU VO “Russian State University for the Humanities”, Moscow, Faculty of Economics, Department of National and World Economics, (125047, Russian Federation, Moscow, Miusskaya Square, 6), GNW3@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4257-8356, Spin code: 8815-9997

Статья поступила в редакцию 10.01.2026

Статья подписана в печать 15.09.2026